

*В.О. Бобровников,
А.Р. Наврузов, Ш.Ш. Шихалиев*

Исламское образование в советском Дагестане (конец 1920-х — 1980-е гг.)

Метаморфозы мусульманской школы в период гонений на религию и массовых репрессий в Советской России и в последовавший за этим относительно стабильный период частичной легализации ислама в Советском Союзе пока еще плохо изучены. Большинство первоисточников, прежде всего на восточных языках, включая архивные документы, материалы частных краеведческих собраний и устные истории, еще только вводятся в научный оборот. Такая попытка на примере Дагестана была предпринята нами несколько лет назад, в ходе работы по проекту «Исламское образование в Советском Союзе и на постсоветском пространстве», поддержанному Фондом Фольксвагена¹. В 2010 г. на английском языке был издан расширенный английский вариант этого исследования [Bobrovnikov et al., 2010, p. 107–167]. Мы представляем вниманию читателей еще не издававшуюся русскую версию этой работы. Она представляет собой сделанный на основе первоисточников обзор истории исламского образования в Дагестане и в целом на Северо-Восточном Кавказе второй и последней трети XX в. Настоящая публикация служит продолжением статьи одного из авторов, Владимира Бобровникова, про исламское образование в раннем советском Дагестане, опубликованной в *Pax Islamica* в 2009 г. [Бобровников, 2009, с. 126–144].

Массовые репрессии в ходе культурной революции (конец 1920-х — 1940-е гг.)

В конце 20-х годов в Дагестане был взят курс на искоренение любого легального исламского образования. Этот новый период в истории исламского образования при советской власти не случайно начался накануне осуществления общесоюзных программ культурной революции, коллективизации и индустриализации. Принимаясь за

1 | Проект 2002–2004 гг. под руководством профессора Рауля Мотики (Университет Гамбурга).

форсированное социалистическое переустройство мусульманского общества, большевики осознанно пытались лишить его независимой духовной элиты. К тому же следует учитывать и общую установку официальной советской идеологии на изживание религии и религиозных институтов, которые, по мнению властей, лишь мешали государственному строительству и движению советского народа по пути к коммунизму. С начала 30-х годов отношения между государством и мусульманской школой развивались в русле массовых политических репрессий в СССР. С этого времени власти перестали считаться с интересами и религиозными чувствами своих мусульманских подданных.

В 1928 г. арабский язык и сама арабская письменность (*‘аджам*), остававшаяся основным языком школы и духовной культуры дагестанцев в течение многих столетий, фактически были объявлены вне закона. Начался новый виток национально-языковых реформ в рамках культурной революции. Согласно постановлению Президиума ЦИК и СНК ДАССР «О реализации прав родных языков», принятому 28 июля 1928 г., начался переход школы, прессы и делопроизводства с арабского на латинизированный алфавит [ЦГА РД. Ф. р–37. Оп. 20. Д. 16]. Запрещено было употреблять арабский язык и *‘аджам* в общественной переписке. Все крупные и ряд малочисленных народов республики, как кавказо- так и тюркоязычные, получили новый латинизированный алфавит: аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы в 1928 г., табасаранцы — в 1932-м, цахуры — в 1934-м. Уже вскоре курс реформы опять сменился и в 1938 г. латинский алфавит повсеместно был заменен на новый, созданный на основе кириллицы [Алпатов, 2000, с. 38–101; Бобровников, 2001, с. 68–95]. Преподавание в начальной школе велось на родном языке, а с пятого класса средней школы — на русском (в 1938 г.).

8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях» [Законодательство, 1969, с. 72–86]. Закон открыл путь к прямому нарушению свободы совести, декларированной в знаменитом декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 1918 г. Религиозные общества лишились прав юридических лиц (ст. 3). Им запрещалось создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, оказывать материальную поддержку своим членам, организовывать специальные детские, женские молитвенные собрания, открывать библиотеки и читальни (ст. 17). Вне закона оказалось любое частное религиозное обучение граждан, кроме специальных богословских курсов, получивших особую лицензию от государства (ст. 18). Каждая община или группа верующих могла пользоваться только одним молебным домом (ст. 10). В последующие десятилетия отдельные положения этого постановления не раз редактировались, но в целом контроль за исламским и любым другим религиозным образованием осуществлялся согласно нормам положения

вплоть до принятия Верховным Советом СССР закона «О свободе совести и религиозных организациях» в 1990 г.

Согласно постановлению 1929 г., все мусульманские организации и группы, включая мечетные общины и школы, подлежали обязательной регистрации (ст. 2). С целью учета и контроля за деятельностью религиозных организаций 9 июля 1931 г. при Президиуме Дагестанского ЦИК была создана Комиссия по рассмотрению религиозных вопросов (в деловой переписке называвшаяся «Культовой комиссией», а также «Комиссией по делам культов») [Омарова, 1994, с. 99–101]. Она должна была следить за выполнением на местах советского законодательства о религиозных культах, закрывать и открывать молитвенные здания, разрешать проведение религиозных съездов, рассматривать жалобы верующих на действия районных и городских советов. Кроме того, в ее обязанности входил «учет всех религиозных обществ и групп в ДАССР и составление сводок». В ее состав входил председатель, назначавшийся из членов Президиума ЦИК ДАССР, и 6 постоянных членов от наркоматов просвещения, финансов, прокуратуры. При всех райисполкомах создавались аналогичные районные комиссии по делам культов [Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета ДАССР «Об образовании при президиуме ЦИК'а Комиссии по рассмотрению религиозных вопросов», л. 6–8].

Мударрисы, мута'аллимы, имамы, кади и другие представители мусульманской духовной элиты подлежали обязательной постоянной перерегистрации. Сельские и городские муллы и преподаватели примечательных школ обязаны были заполнить и подать в местные советы «анкеты служителей культа» (форма 5). В этих документах кроме персональных данных указывались их духовное звание, образование, место службы и род занятий, сведения о судимости, а также район деятельности, ограниченный местом их прописки, и постоянный адрес [Законодательство, 1969, с. 132. См. образцы заполненных анкет в фонде дагестанской Комиссии по рассмотрению религиозных вопросов: ЦГА РД. Ф. р–564. Оп. 2. Д. 2. Л. 31, 32, 36, 37, 49–51, 54, 56, 61, 63, 66, 69–71, 73, 77, 82, 95, 100, 102, 104, 106, 107, 110, 112, 115, 117, 119, 120, 122, 125, 127, 128, 150, 184, 237, 244, 245]. Религиозные организации и группы верующих также обязаны были пройти перерегистрацию в местных советах. На них заполнялись «удостоверения о регистрации» (форма 3). Согласно постановлению НКВД РСФСР от 1 октября 1929 г. (№ 329), в целом по России регистрация должна была завершиться 1 мая 1930 г. [Бюллетень НКВД РСФСР, 24.10.1929, № 37, с. 690–691]. В Дагестане ее проведение затянулось. Культурная комиссия определила срок перерегистрации в два с небольшим месяца, с 25 ноября 1931-го по 1 февраля 1932 г. Во многих горных районах она началась только в феврале–марте 1932 г. [ЦГА РД. Ф. р–564. Оп. 1. Д. 1. Л. 48, 57].

С 1929–1930 гг. действие законодательства РСФСР о религиозных культах распространялось на Дагестан уже без всяких ограничений и дополнений, как это делалось в первое десятилетие после установления здесь советской власти. Сама идея необходимости учета местной специфики при решении религиозного вопроса отошла в историю. Те дагестанские государственные и партийные работники, которые поддерживали эту идею, были позднее репрессированы и объявлены «врагами народа». В вину им было поставлено «сопротивление внедрению социалистической законности и защита пережитков патриархально-феодалных отношений и религиозных предрассудков». Высокий уровень религиозности дагестанского населения стали объяснять не объективными причинами, а неудовлетворительной, по сравнению с другими регионами, постановкой атеистической работы.

Еще в феврале 1928 г. на пленуме Дагестанского обкома ВКП(б) был поставлен вопрос о налаживании массовой атеистической работе в Дагестане. Не считаясь с настроениями и нуждами мусульманского общества, было решено распространять в массах в первую очередь современные естественно-научные знания. Февральский пленум 1928 г. стал переломным в решении религиозного вопроса в республике. С этого времени атеистическая пропаганда стала носить всеобъемлющий характер. На смену провозглашавшейся ранее осторожной идеологической работе с населением пришли командно-административные меры. С этого времени власти все более теряют знание местных исламских реалий и чувство быстро менявшейся действительности. У большинства партработников сложилось мнение об антирелигиозной борьбе как об одном из важнейших участков классовой борьбы и социалистического переустройства общества. Поэтому они возможно форсировали антирелигиозную работу.

Наиболее активная антирелигиозная пропаганда велась в 30-е годы. В это время развернуло свою работу Дагестанское отделение Союза воинствующих безбожников. Дагестанская организация СВБ с самого начала прилагала огромные усилия для создания сети антирелигиозных кружков во всех районах республики, а также для подготовки антирелигиозных кадров. Известны случаи, когда в члены СВБ насильно записывали стариков и даже мусульманских *алимов*, угрожая им в случае отказа лишить их «как эксплуататорский элемент» избирательных прав и тем самым навлечь на их семьи репрессии властей [Красный Дагестан, 9.05.1930].

Для подготовки специалистов по научному атеизму уже с 1929 г. по разнарядке Северо-Кавказского крайкома партии в Московский и Ленинградские комвузы, другие высшие учебные заведения страны ежегодно из Дагестана направлялись партийные работники. Между автономными республиками проводились регулярные социалистические соревнования в области антирелигиозной работы. 5 февраля был заключен договор на соцсоревнование между ячейками СВБ Дагеста-

на и Татарии [Салахбекова, 2003, с. 20]. Большие усилия прилагались для разработки и издания антирелигиозной литературы на дагестанских языках. По республике распространялись издававшиеся СВБ газета и журнал «Безбожник», журнал «Антирелигиозник». В 1930 г. на кумыкском, лакском, даргинском, аварском, тюркском и лезгинском языках вышла брошюра «Против уразы-байрама», регулярно под лозунгами «Против постов» проводились кампании по «анти-уразе». Была развернута агитация против мусульманских школ [ЦГА РД. Ф. р-238. Оп. 3. Д. 46. Л. 23, 6. Д. 29. Л. 29].

Деятельность Дагестанского отделения СВБ, как и всего союза, носила противоречивый характер. С одной стороны оно вело большую научную и культурно-просветительскую работу, сотрудничало с центрами научного востоковедения — Дагестанским краеведческим музеем и НИИ Дагестана в Махачкале. В последнем с 1928 г. работал известный дагестанский *джадид*, мусульманский историк и публицист Али Каяев, некоторые другие *мударрисы* и выпускники *мадрас*. В СВБ были задействованы академические научные кадры Дагестана, других республик и областей Северного Кавказа, Москвы и Ленинграда. В атеистической работе принимали участие крупные этнографы и востоковеды. С другой стороны, СВБ постоянно применяло недозволенные методы борьбы с религией, оскорбительные для верующих действия, такие как сжигание Коранов и другой религиозной литературы (порой сжигались все книги на арабском языке), насильственное изъятие ковров в мечетях и т. д. Подобные методы, если вначале и осуждались как искривления и ошибки, то постепенно стали вполне обычным явлением в работе безбожников. Более того, под эти методы стали подводить идеологическое обоснование.

В борьбе с мусульманской школой Советское государство использовало и экономический фактор. Уже в конце 20-х годов оно попыталось захватить в свои руки *вакфы*. Перед началом земельно-водной реформы (1927–1932) и коллективизации 23 февраля 1926 г. Дагестанский ЦИК и Совнарком республики приняли совместное постановление «Об изъятии вакуфного имущества на территории ДАССР», а 23 января 1927 г. постановление «О национализации вакуфного имущества» [Красный Дагестан, № 34, 10.11.1927]. К ноябрю того же года органами ОГПУ по республике было изъято вакуфного имущества на сумму 212 707 руб., 6958 десятин земли, 42 мельницы, 88 домов и здания 5 медресе [Материалы, 1929, с. 86]. Во время месячника по изъятию вакуфного имущества в руки местных властей перешло ценностей на сумму до 1,5 млн руб. [Ханбабаев, 2001, с. 64].

Кампания по изъятию *вакфов* в целом была завершена в ходе сплошной коллективизации к середине 30-х годов, когда на бывших вакуфных угодьях были созданы советские коллективные хозяйства. После принятия общероссийского постановления «О религиозных объединениях» 1929 г. были внесены изменения в республиканский

закон о национализации *вакфов*. «...Все вакуфное имущество, имеющее быть выявленным со дня вступления в силу настоящего постановления, а также все культовое имущество ликвидируемых в установленном порядке молитвенных зданий (мечетей, церквей и т. п.), подлежит распределению». С этого времени земли и движимое имущество мечетей и примечательных школ переходило в ведение колхозов и совхозов [ЦГА РД. Ф. р–564. Оп. 1. Д. 1. Л. 6]. Тем самым экономическая основа независимости негосударственной примечательной школы была ликвидирована.

По возможности физически уничтожались преподаватели и выпускники дагестанских медресе. Как «служители культа» многие *мударрисы* и *имамы* лишались избирательных прав, а вместе с ними и защиты закона. Согласно постановлению СНК СССР от 17 июля 1937, их семьи облагались большим подоходным налогом. В связи с коллективизацией начались массовые репрессии, приведшие к высылке и гибели сотен тысяч невинных людей. В 1928 г. из Дагестана было выслано в концентрационные лагеря (ГУЛАГ) и на поселение в районы Усольска (ныне Сытывкар), Сольвычегодска и Котласа (Архангельская область) более 800 «служителей культа», в том числе немало известных дореволюционных *мударрисов* и *алимов*. Крупнейший дагестанский джидид Абусуфьян Акаев был арестован по обвинению в «пантюркизме и панисламизме» (ст. 58–11), и осужден Коллегией ОГПУ на 10 лет лагерей. Он скончался в концлагере под Пермью в сентябре 1931 г. Его богатейшая библиотека была уничтожена [Оразаев, 1992, с. 115, 117–119]. В 1930 г. был сослан на пять лет на Южный Урал Али Каяев. В 1934 г. его досрочно освободили по ходатайству председателя Совнаркома Дагестана Дж. Коркмасова, но в 1938 г. вновь арестовали, он был выслан на 5 лет в Казахстан и умер в ссылке (1943) [Какагасанов, Гаджиев, 1998, с. 176–177].

Всего, по далеко неполным данным НКВД, с начала 1930 по октябрь 1933 г. в Дагестанской АССР было репрессировано 1212 представителей «мусульманского духовенства», в том числе 9 шейхов, 91 «шейхствующих лиц и общественных кадиев», 405 мулл, 702 *мурида* [ЦГА РД. Ф. р–800. Оп. 2. Д. 49. Л. 58. Подробнее см.: Салахбекова, 2003, гл. III]. В это число не были включены арестованные по сфабрикованным коллективным политическим процессам в Даргинском и других районах республики.

В самом конце 20-х — начале 30-х годов по Северному Кавказу прокатилась волна крестьянских бунтов против колхозов: Баксанское и Верхнекурповское «дела» 1928–1929 годов в Кабарде, восстания 1930 г. в Большом Карачае, Дидойский и Хновский мятежи, «дело шейха Штульского». Восставшие требовали восстановить примечательные школы и шариатские суды. Восстания были жестоко подавлены. Только по «делу шейха Штульского» ОГПУ арестовало 316 человек, из которых 10 вместе с самим шейхом были расстреляны, 53 отправлены в

лагеря, а 51 выслан [Муцалханов, Махмудов, 1997, с. 41–42; Дагестанская правда. 23.03.1996]. 30 апреля 1929 г. Дагестанское отделение ОГПУ сфабриковало дело против Али-Хаджжи Акушинского. По статье 58–2 УК РСФСР вместе с самим шейхом и членами его семьи были арестованы 62 жителя Даргинского округа (все *‘улама’*), из которых 29 человек были расстреляны, 27 осуждены на отбывание наказания в северных лагерях, и еще 6 высланы в города Калуга и Орел на сроки от 5 до 10 лет [Какагасанов, Гаджиев, 1998, с. 16]. Массовые репрессии еще в 20-е годы коснулись всех влиятельных суфийских шейхов, в том числе Мухаммеда Балаханского, Мухаммеда Ассабского, Мухаммед-Хаджжи Дейбукского, Хасана Кахибского.

Боязнь ареста и преследований со стороны властей заставляла многих *мударрисов* и *кади* бросать свои занятия. Об этом свидетельствует статистика ДАССР. Только в 1933 г. из 636 *дибиров* (*кади*) из 23 районов республики 552 перестали участвовать в решении семейных и наследственных исков по шариату. Из 1496 имамов пятничных мечетей 941 человек отказались читать пятничные проповеди (*хутба*). После разгрома *вирда* ‘Али-Хаджжи и арестов в Даргинском районе суфии и *алимы* из окрестных округов стали вести себя осторожнее. Захват советской властью *вакфов*, аресты и репрессии заставили бросить свои должности мулл из с. Юхари-Сталь, Кутркент, Хаперкент, Сипал и других селений Кюринского округа. В Дербентском, Касумкентском, Рутульском, Бабаюртовском, Левашинском, Кахибском, Гунибском, Цумадинском, Чародинском, Казбековском районах к середине 30-х годов не осталось ни одного практикующего *кади* [ЦГА РД. Ф. р–800. Оп. 2. Д. 15. Л. 23, 158]. В Левашинском, Унцукульским и некоторых других районах на должность имамов (а с ними *кади* и *мударрисов*) стали выбирать женщин из семей местных *‘улама’* [Там же. Ф. р–238. Оп. 3. Д. 46. Л. 26–27, 45. Оп. 11. Д. 9. Л. 13]. Многие *мударрисы* и *‘улама’* бежали из Дагестана. Скрываясь от возможных преследований, уехал в Среднюю Азию М.М. Мавраев (ум. 1967).

Несмотря на протесты верующих, насильно закрывалось все больше мечетей и школ при них. Еще в 1929 г., по данным, приведенным на X Дагестанской партийной конференции с оговоркой о их неполноте, в Дагестане имелось около 2000 мечетей, около 3391 духовных лиц (*кади*, *будуны-му’аззины*, имамы) и 323 мусульманские школы с 4570 учащимися [Там же. Ф. п–1. Оп. 10. Д. 9. Л. 87. См. также: Ф. р–238. Оп. 8. Д. 4. Л. 3, 61]. Их дальнейшую судьбу определило постановление ЦК ВКП (б) от 15 мая 1932 г. о проведении в стране так называемой антирелигиозной пятилетки. Местным органам советской власти вменялось в обязанность ликвидировать к 1 мая 1937 г. все культовые сооружения (мечети, церкви, синагоги, молельные дома и здания с религиозной символикой) [Какагасанов, 2001, с. 132–137]. После этого в Дагестане начался неоправданно быстрый рост количества закрывающихся мечетей и примечательных школ. Напри-

мер, только на одном заседании Комиссии по рассмотрению религиозных вопросов при ВЦИК Дагестанской АССР 25 ноября 1936 г. было заслушано и удовлетворено ходатайство Акушинского райисполкома о закрытии сразу 39 мечетей. Среди них 15 мечетей в Акуша и 24 в десяти других аулах района [ЦГА РД. Ф. р–564. Оп. 2. Д. 3. Л. 6]. Под решениями о закрытии исламских институтов заставляли подписываться целые сельские сходы.

Еще в середине 30-х годов в республике оставалось более тысячи официально действовавших мечетей, при которых работали сотни зарегистрированных имамов и *кади*, многие из которых нелегально выполняли обязанности *мударрисов*. По данным, собранным Дагестанским Советом СВБ и представленным в республиканское отделение НКВД, на 1 января 1936 г. в Дагестане было 985 действующих мечетей, в том числе 676 «функционировавших» и 309 «не функционировавших, но юридически не оформленных». Под «функционирующими мечетями» понимались те, в которых имелись читавшие *хутбу* имамы. «Не функционировавшие» мечети без имамов просто посещались верующими и были обречены на ликвидацию в ближайшем будущем. 915 мечетей уже было закрыто. Из них 267 использовались под клубы и школы, 239 — под колхозные склады, а 409 никак не использовались. По республике насчитывался 341 зарегистрированный мулла и 30 *кади* [Сведения, 1936, л. 1]. Эти показатели в десятки раз превышали аналогичные цифры по другим северокавказским автономиям.

Однако к этой статистике следует относиться очень осторожно. Во-первых, она была неполна. Многие отдаленные горные районы, в том числе на северо-западе республики (где была сосредоточена основная масса зарегистрированных и нелегальных мусульманских институтов и духовных лиц) слишком поздно присылали сведения, и они не попадали в общереспубликанские сводки. В только что процитированном деле имеется еще один, вероятно, более ранний список, молельных зданий и «служителей культа» по Дагестанской АССР, цифры которого на две-три сотни меньше указанных выше [Там же, л. 5]. Кроме того, следует учитывать, что в условиях постоянных преследований со стороны властей и обнищания насильно загнанного в колхозы крестьянства многие мусульманские институты не могли действовать постоянно. Поэтому в отдельные годы их численность то резко падала на несколько сотен, то опять росла. При общей тенденции к снижению численность мечетей и связанных с ними мусульманских общин и нелегальных школ колебалась.

В борьбе государства с мусульманскими институтами развернулась погоня за процентами. Районы соревновались по количеству закрытых мечетей. По данным Центрального Государственного архива республики, в 1937 г. в Дагестане было закрыто 101 молитвенное здание, в 1938 г. — 136, в 1939 г. — 125, в 1940 г. — 33, в 1941 г. — 9 молитвенных зданий. В результате усиленной кампании к началу

Великой Отечественной войны в Дагестане, согласно официальным источникам, не осталось ни одной официально зарегистрированной и действующей мечети или мусульманского учебного заведения [ЦГА РД. Ф. р–352. Оп. 5. Д. 17. Ф. р–800. Оп. 2. Д. 35. Л. 84]. С 1941 по 1990 г. в республике не было ни одного легально существовавшего *мактаба* или медресе. Как видно из приведенной выше статистики, здания мечетей и примечательных школ использовались под клубы, сельские школы, дома. Примерно половина из них была превращена в склады, а половина — закрыта и постепенно разрушалась.

Признание ислама в послевоенный период (1944 — начало 1950-х гг.)

С началом Великой Отечественной войны отношение к религии и религиозным организациям в стране существенно изменилось. Первые же дни войны разрушили у властей стереотип о контрреволюционной антисоветской сущности «духовенства»: духовные лидеры всех конфессий выступили с патриотическим призывом ко всему народу. Северокавказские *алимы* и имамы осудили представителей духовенства, сотрудничавших с фашистами на западе региона. В 1943 г. в Буйнакске под контролем властей они выпустили листовку на арабском языке, призывая верующих сплотиться вокруг советской власти и ЦК ВКП (б). Все это не могло не изменить государственную политику по отношению к религии и религиозным организациям. Руководство страны пошло на некоторые шаги по нормализации государственно-конфессиональных отношений и улучшения положения религиозных объединений разных конфессий. Более умеренные формы приняла воинствующая атеистическая политика. В 1941 г. была приостановлена деятельность СВБ (окончательно распущен в 1947 г.). Прекратило работать его Дагестанское отделение [Там же. Ф. р–238. Оп. 14. Д. 1]. Вместо уничтожения религиозных деятелей и организаций как «врагов народа» был взят курс на создание централизованной системы государственного контроля за верующими и их общинами, в том числе и за религиозным образованием.

Первой официальное признание добилась Русская православная церковь. В 1943 г. в Москве был создан Совет по делам РПЦ, а 19 мая 1944 г. — Совет по делам религиозных культов (далее: СДРК) при Совнаркоме СССР. Последний имел своих уполномоченных при Совнаркоммах всех союзных и автономных республик страны. Его главной задачей было налаживание связей между правительством СССР и религиозными объединениями неправославных исповеданий, в том числе и мусульманами. Он также должен был рассматривать все законопроектные вопросы по вопросам религиозных культов, вести общий учет и статистику молитвенных сооружений [Постановление № 572, л. 1, 2. Под-

робнее о деятельности Совета по делам религиозных культов см.: Ro'i, 1996, p. 159–166; Сулаев, 2009]. В 20–30-е годы часть этих функций на общесоюзном уровне выполняла Постоянная комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (затем ЦИК СССР), созданная в 1919 г. В Дагестанской АССР те же функции после ликвидации в 1938 г. Комиссии по рассмотрению религиозных вопросов при Президиуме ЦИК ДАССР выполнял Президиум Верховного Совета республики [ЦГА РД. Ф. р–564. Оп. 1. Д. 1]. При Президиуме Дагестанского ЦИК, как и в других советских автономиях, СДРК имел своего уполномоченного.

На общесоюзном уровне в Москве было решено легализовать отдельные религиозные общины и институты, чтобы привязать верующих к государству и помочь режиму выстоять в тяжелой Второй мировой войне. Легализация религиозных институтов шла «сверху». Вначале были созданы Духовные управления (ДУ или муфтияты), а затем уже сами ДУ по представлениям мусульманских общин ходатайствовали перед властями об открытии и регистрации мечетей и *джама'атов*. До этого времени в СССР существовал только один муфтият — Центральное духовное управление мусульман России, Сибири и Казахстана во главе с *муфтием* Г. Расулевым в Уфе (ЦДУМ, с 1917 г., правопреемник первого русского муфтията — Оренбургского духовного магометанского собрания, 1789–1917). В 1943–1944 гг. были открыты самостоятельные Духовные управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) в Ташкенте, ДУМ Закавказья в Баку [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. № 132. Л. 24]. На съезде мусульман СССР в Уфе в 1948 г. обсуждался вопрос о создании общесоюзного центрального органа руководства над муфтиятами, но он так и не был сформирован.

В мае 1944 г. в Буйнакске состоялся съезд делегатов мусульманских общин всех республик и областей Северного Кавказа, на котором было создано Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), разработан и утвержден устав его внутреннего устройства, определявший структуру и компетенцию ДУМСК [Омарова, 1994, с. 102; Религии и религиозные организации в Дагестане, 2001, с. 68]². Как и в других муфтиятах главной обязанностью ДУМСК было рассмотрение заявлений мусульманских общин и принятие решений (под контролем и при консультациях с органами советской власти на уровне РСФСР) об открытии мечетей и молельных домов, регистрация имамов мечетей. ДУМСК принимал участие в возобновившемся с 1944–1945 гг. хаджже, который, однако, носил спорадический характер и был разрешен лишь отдельным чиновникам муфтиятов. Официальным языком, на котором велась переписка и документация ДУМСК стал русский. Большинство прочих муфтиятов перешло на национальные языки — азербайджанский в Баку, татарский в Уфе. Только САДУМ могло использовать в своей деятельности арабский язык.

2 | История ДУМСК еще практически не изучена, его архив пропал при захвате здания муфтията противниками последнего муфтия Махмуда Геккиева в 1989 г.

Деятельность ДУМСК охватывала 8 северокавказских советских автономий и областей Северного Кавказа с мусульманским населением — Дагестанскую АССР, Кабардинскую АССР (с 1957 Кабардино-Балкарская АССР), Северо-Осетинскую АССР, Адыгейскую АО, Краснодарский и Ставропольский края, Грозненскую область, а с 1957 г. также вновь восстановленные после реабилитации депортированных народов Чечено-Ингушскую АССР и Карачаево-Черкесскую АО. Дагестан занимал в нем ключевые позиции. Сам муфтий располагался на территории республики — сначала в Буйнакске, а после съезда 1975 г. — в Махачкале. Среди его должностных лиц всегда было много дагестанцев. В Дагестане находилось большинство мусульманских общин, представленных при создании ДУМСК. Во второй половине 40-х годов началось открытие на Северном Кавказе мечетей и моленных домов, большинство из которых опять же пришлось на долю Дагестана.

В ноябре 1943 г. СНК СССР принял постановление «О порядке открытия новых церквей», а 19 июля 1944 г. — постановление «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов», ознаменовавшие некоторую либерализацию политики государства в отношении сначала РПЦ, а затем и ислама. Правда, в 1945 г. к нему была принята поправка, оговаривающая условия открытия культовых помещений. Религиозные общества лишались права на собственность открытых храмов, мечетей и моленных домов. Они не имели права вести образовательную, производственную и иные виды деятельности в переданных им зданиях [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. № 1. Л. 10. Подробнее об этом см.: Емельянова, 1999, с. 78]. Зарегистрированным мусульманским общинам предоставлялись отдельные права юридических лиц, которых они были лишены в 1929 г. Они могли бесплатно пользоваться зданиями мечетей и моленных домов, оставшихся в общенародной (государственной) или колхозной (в селениях) собственности. *Джама'аты*, получившие лицензию на открытие пятничной мечети, получили право собирать добровольные пожертвования верующих, заключать договоры, нанимать и избирать «лиц, обслуживающих потребности культа», *му'аззинов*, *имамов* и *кади* [Инструкция по применению законодательства о культах (1961 г.), ст. 3, 29, 30–33, на с. 137, 145, 146].

Руководствуясь этими положениями, ДУМСК рассмотрел первые заявки на открытие мечетей. До весны 1945 г. в Дагестане и других мусульманских республиках Северного Кавказа не было зарегистрировано ни одной действующей мечети. В 1945–1950 гг. в ДУМСК было подано 14 заявок на открытие мечетей из Дагестана и 5 из Кабарды. 12 дагестанских и одна кабардинская заявки были удовлетворены и утверждены СДРК.

Первые попытки самовольного открытия верующими мечетей в Дагестане отмечены в 1944 г. Через год отдельные мечетные об-

щины добились регистрации. Первой официально открытой в этот период мечетью Северного Кавказа стала историческая Дербентская (шиитская) *джума*-мечеть (26 мая 1945). Вместе с ней была открыта суннитская пятничная мечеть в с. Какашура (Карабудахкентский район ДАССР). 3 октября 1945 г. были зарегистрированы три мечети — в с. Мюрего Сергокалинского района республики, в райцентре Гумбетовского района с. Мехельта и в с. Кадар Буйнакского района. 10 мая 1946 было подписано разрешение открыть еще 7 мечетей в Дагестане — в с. Доргели Буйнакского района, с. Хуштада Цумадинского района, с. Аракани Унцукульского района, с. Анди Ботлихского района, с. Параул Карабудахкентского района, в с. Цудахар Левашинского района и небольшую мечеть в центре Махачкалы. На 1 мая 1951 г., согласно материалам СДРК, на Северном Кавказе действовали уже 356 мечетей: 26 — в Дагестане, 7 — в Кабарде и 2 — в Адыгее³. Все мечети в Дагестане (за исключением Дербентской) работали в аварских, даргинских и кумыкских районах на севере республики. Из 26 мечетей 24 находились в сельской местности, в основном в горах.

В то же время в послевоенные годы обстановка на Северном Кавказе продолжала оставаться крайне тяжелой. Вновь усилились сталинские репрессии. Были расстреляны и высланы многие бывшие *мударрисы*. В 1942–1943 гг. НКВД спровоцировал выборы «антисоветских правительств» в ряде горных селений Северного Дагестана. После этого по спискам было схвачено и расстреляно в Махачкале несколько сотен *алимов* [Полевой материал авторов, собранный в 1992–1995 в Цумадинском районе РД]. В марте 1944 г. насильственной депортации в Казахстан подверглись поголовно все дагестанские чеченцы-аккинцы, в основном проживавшие на территории Ауховского (ныне: Новолакский), Казбековского и Хасавюртовского районов. Чечено-Ингушская АССР была преобразована в Грозненскую область. При этом ее юго-восточные горные и предгорные земли (Веденский и еще 5 районов) отошли к ДАССР и на них было организовано насильственное переселение жителей дагестанских горных селений из северного и центрального Дагестана. Покинутые селения были разрушены частями НКВД. При массовых переселениях погибло множество арабских библиотек.

Попытки *алимов* Дагестана добиться воссоздания на Северном Кавказе примечательных школ не увенчались успехом. Единственными доступными советским мусульманам в послевоенные десятилетия учебными заведениями для подготовки кадров четырех духовных управлений Союза, имамов мечетей и кади стали два среднеазиатских медресе в Ташкенте и Бухаре, на 30 и 60 *мута'алимов*, открытые согласно решению САДУМ, одобренному постановлением СНК СССР от 10 октября 1945 г. Это были восстановленное *мадраса* Мир-и Араб (известно

3 | Архивные материалы Совета по делам религиозных культов, опубликованные в кн.: [Емельянова, 1997, с. 130, 80]. К сожалению, в этой вообще довольно неплохой, хотя и спорной, монографии искажены чуть ли не все названия дагестанских селений и части районов. Причина этого — ошибки в названиях оригиналов документов. Ср.: [ЦГА РД. Ф. р-1234. Оп. 4. Д. 6. Л. 26].

с 1540, воссоздано в 1945 г.) в Бухаре и *мадраса* Баракхан (1945–1961) в Ташкенте. На основе последнего в 1971 г. был создан Ташкентский исламский институт им. имама ал-Бухари. Первые должностные лица ДУМСК получили местное, в основном дагестанское, исламское образование. Многие муфтии и должностные лица ДУМСК 70–80-х годов, в частности его последний муфтий Махмуд Геккиев, (а также руководители выделившегося из ДУМСК в 1992 г. Духовного управления мусульман Дагестана, ДУМД) окончили Мир-и Араб и Ташкентский институт.

В то же время в Дагестане развивалось академическое востоковедение, расширялась сеть светских учебных заведений высшей и средней школы. В 1944 г. в Махачкале был создан НИИ школ (ныне НИИ педагогики) и учебно-педагогическое издательство. В городах и крупных селениях открылись вечерние школы рабочей и сельской молодежи. Число общеобразовательных школ к 1956/57 учебному году выросло до 1357 (из них 1252 работали в сельской местности). В них было 11 140 учителей и 159,5 тыс. учеников [Советский Дагестан за 40 лет, с. 119, 121]. Но не только в средней, но и в высшей школе вероучение, институты и даже история ислама не изучались. В какой-то мере этим занимались лишь в Институте истории, языка и литературы (ИИЯЛ, с 1949 в составе Дагестанского филиала АН СССР). В 1945 г. был организован Рукописный фонд института. С 1948 г. в него систематически поступали арабские рукописи и книги из закрытых мечетных библиотек и мадраса [Каталог, 1977, с. 3].

Новый период антиисламских гонений (середина 1950-х — начало 1960-х гг.)

Недолгий период хрущевской «оттепели» имел противоречивое значение для истории исламского образования в Дагестане. С одной стороны, благодаря политическим реформам, проведенным Н.С. Хрущевым после смерти Сталина, произошла либерализация режима и общества в СССР. Репрессии потеряли всеобъемлющий характер. Прекратилось уничтожение людей и народов. Огромный неконтролируемый репрессивный аппарат во главе с МГБ был сокращен до размеров Комитета государственной безопасности, система ГУЛАГа сведена до минимума. Эти процессы затронули всю страну, в том числе и Дагестан. В 50-е годы в республику началось массовое возвращение реабилитированных заключенных и ссыльных из Казахстана, Средней Азии, Сибири. Среди них было немало бывших *мударрисов*, последователей *алимов* и *суфиев* дореволюционного и раннего советского времени. Вместе с тем сюда возвращались отдельные студенты с Северного Кавказа, окончившие Мир-и Араб и Баракхан. Дефицит частично легализованных мечетных общин в образованных имамах и *кади* начал понемногу удовлетворяться.

С другой стороны, в целом по стране положение ислама и других конфессий опять ухудшилось. В новой Программе КПСС, принятой на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.), было провозглашено вступление страны в период «развернутого коммунистического строительства». Первоочередной задачей стало воспитание нового человека, что подразумевало скорейшее угасание «религиозных предрассудков» и ограничение религиозных институтов, только уже без прежних массовых репрессий, а при помощи административного давления «сверху» [Программа, 1961]. Религиозное обучение несовершеннолетних продолжало караться как уголовное правонарушение. Принятый в 1960 г. новый Уголовный кодекс (УК) РСФСР устанавливал за подобное «нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви... исправительные работы на срок до одного года или штраф до 50 рублей». За повторное нарушение этого положения было положено «лишение свободы на срок до трех лет» (ст. 142). По ст. 227 УК, уличенные в организации и руководстве нелегальными религиозными группами (и школами) присуждались к 5 годам лагерей или ссылке на тот же срок с конфискацией имущества или без оногo [Комментарий, 1980, с. 274, 431].

СДРК принимал меры по сокращению числа официально открытых мечетей. В целом в СССР их количество с 1948 до января 1964 г. упало с 457 до 312 [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. № 430. 1.1. Подробнее об этом см.: Ro'i, 1996, p. 161; Сулаев, 2009]. Была также усилена атеистическая пропаганда. Эти общие установки не замедлили сказаться на местах. Открытие новых мечетей в ДАССР было заморожено. С января 1951-го по ноябрь 1964 г. в Дагестане была зарегистрирована всего одна мечеть. Исламское образование на территории Северного Кавказа так и не было легализовано. Более того, в 1961 г. закрылось одно из двух действующих в Союзе медресе — Баракхан.

Курс на усиление борьбы с исламом в советском обществе был закреплен в постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Его неизменность подтвердили Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» от 9 января 1960 г. и решения XXII съезда КПСС, в которых от коммунистов требовали решительной борьбы с религией, был намечен ряд конкретных мер для претворения в жизнь решений партии. Совет Министров ДАССР откликнулся на них постановлением «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», принятым в июле 1961 г. Уличенных в совершении молитв, *уразы*, участия в *курбан-байраме*, *ураза-байраме* и паломничествах к святым местам (*пир*, *зийарат*), а особенно *муридов* суфийских шейхов исключали из партии, если они в ней состояли, не допускали к занятию партийных и общественных постов, должностей, связанных с охраной общественной собственности, даче свидетельских показаний в суде, даже к участию в худо-

жественной самостоятельности [Протоколы, 1962, д. 1148, лл. 80, 276, д. 2052, л. 221, д. 2054, лл. 187, 195 и далее]. Все это в целом представляло разные формы скрытой религиозной дискриминации.

В ответ на притеснения со стороны властей появлялись все более скрытые, недоступные государственному контролю формы исламских институтов и религиозных практик. Но это совсем не означало появления подпольного, «параллельного» официальному исламу, о чем на основании советских официальных материалов немало писали советологи [Benningsen, Lemerrier-Quelquejau, 1980, р. 57–59]. По сути дела, ничего антисоветского в нелегальных исламских практиках не было. Никто не боролся с советской властью. Чаще всего религиозные общины, в первую очередь *вирды*, не добившиеся регистрации, действовали без нее. Случались самовольные открытия молитвенных зданий, например в с. Кванада, Гимерсо, Верхнее Гаквари Цумадинского района, организация кружков по обучению религии (главным образом речь шла об открытии нелегальных коранических классов и *мактабов*, например, в том же Цумадинском районе), организация паломничества к святым местам. Эти действия считались серьезными нарушениями законодательства о культурах [Дело, 1962, л. 195, 196]. Проводившиеся время от времени проверки обнаруживали немало таких фактов. Так, в докладной записке Председателя СМ ДАССР Председателю СДРК, относящейся к концу 1964 года, приводятся следующие данные: в Дагестане самовольно открыто более 70 зияратов на могилах шейхов («святых мест»), действует около 40 незарегистрированных мечетей (при наличии 28 зарегистрированных) [ЦГА РД. Ф. р–1234. Оп. 4. Д. 29. Лл. 5, 6. См. также: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 4. № 436].

Стабилизация отношений времен «застоя» (1960-е — середина 1980-х гг.)

60-е — начало 80-х годов отмечены стабилизацией отношений государства с мусульманскими общинами страны. Число легализированных мусульманских организаций было регламентировано и несколько сокращено. По данным Совета по делам религий, общее число их с 1966 по 1986 упало с 1820 до 751. В ДАССР одна мечеть была закрыта, и к 1978 г. в ней осталось 27 действующих мечетей [Блокнот, 1978, № 11–12, с. 19. См. также архивные материалы ГАРФ, обобщенные в кн.: Емельянова, 1999, с. 133.]. Создание любых новых религиозных учреждений, в первую очередь образовательных, в период «застоя» было заморожено. Мусульманская община Дагестанской АССР была включена в сложную бюрократическую иерархию управления мусульманами Союза. Контроль за ними осуществлялся по линии ДУМСК–СДРК–Совет Министров СССР и ЦК КПСС.

Структура Совета по делам религиозных культов немного изменилась. Курс на сокращение числа религиозных общин всех конфессий привел к объединению ведомств, курирующих разные конфессии. В иерархии культов первое место было отведено РПЦ. 8 декабря 1965 г. СДРК был слит с Советом по делам Русской православной церкви в единый Совет по делам религий (далее: СДР) при Совете Министров СССР. Его центральный аппарат включал Отделы по делам православных церквей (1); по делам мусульманской и буддистской религий (2); по делам католической, протестантской, армянской церквей, иудейской религии и сект (3); международных связей (4); юридический (5); бухгалтерию (6) и общий (7) [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 545. Л. 97. Д. 634. Л. 70–74; Законодательство, 1969, с. 71–72]⁴. СДР должен был следить за соблюдением Конституции СССР и декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918), разрабатывать проекты общесоюзного законодательства о религиях и вносить их в Совет Министров, информировать правительство о деятельности религиозных организаций, содействовать борьбе СССР за мир и дружбу народов.

Административное давление на религиозные объединения в 60–70-е годы росло. 18 марта 1966 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал постановление «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах», имевшее силу закона до 1990 г. Согласно новому указу, были объявлены административными правонарушениями: 1) уклонение руководителей религиозных объединений от регистрации объединений в органах государственного управления, 2) нарушение установленных законодательством правил организации и проведения религиозных собраний, шествий и других церемоний культа, 3) организация и проведение служителями культов и членами религиозного объединения специальных детских и юношеских собраний, а также трудовых, литературных и иных кружков и групп, не имеющих отношения к отправлению культа. Тем самым создание нелегальных мусульманских школ и любые формы частного исламского обучения, по-прежнему часто встречавшиеся в Дагестане, были поставлены вне закона.

Кроме того, в силе остались положения законодательства о культах, устанавливавшие уголовную и административную ответственность за «взимание сборов и обложений в пользу религиозных организаций и служителей культа; изготовление с целью массового распространения или массовое распространение обращений, писем, листовок и иных документов, призывающих к неисполнению законодательства о религиозных культах; совершение обманных действий с целью возбуждения суеверий в массах; организацию и проведение религиозных собраний, шествий и других церемоний культа, нарушающих общественный порядок; организацию и проведение

---

4 | В 60–80-е годы структура СДК не раз менялась. Количество отделов в нем было сокращено.

занятий по обучению несовершеннолетних религии с нарушением установленных законодательством правил». Все эти узаконения помогали союзным и республиканским властям, пользуясь советской «демократической» риторикой (борьба за мир, дружбу народов и проч.), подвергать дискриминации всех связанных с исламским обучением лиц.

Этой задаче служил также порядок регистрации религиозных объединений и служителей культа, определенный инструкцией Совета по делам религий от 31 октября 1968 г. «Об учете религиозных объединений, молитвенных домов и зданий, а также о порядке регистрации исполнительных органов религиозных объединений и служителей культа» [Законодательство, 1969, с. 119–136], не менявшейся до принятия нового закона о свободе совести 1990 г. Перерегистрация и контроль религиозных объединений остались в числе обязанностей исполкомов районных и городских Советов (ст. 1). На каждую мечетную общину заводилась регистрационное дело и карточка (ст. 2). Было запрещено создавать новое религиозное объединение, если в нем было менее 20 членов. Несовершеннолетние в религиозные объединения не допускались. За нарушение законодательства о культурах местные Советы и уполномоченные СДР в автономиях лишали «служителей культа» регистрации, а при рецидиве — привлекали их к уголовной и административной ответственности (ст. 20).

Чтобы препятствовать образованию новых религиозных организаций и нелегальных религиозных школ, с начала 70-х гг. к ним, как и к представителям политической оппозиции (диссидентам) стали применять законодательство о «тунеядцах». В феврале 1970 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по усилению борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни». В связи с этим СДР потребовал от уполномоченных, в том числе по Дагестану, усилить работу по выявлению в незарегистрированных религиозных обществах и нелегальных сектантских группировках лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда, и применять к ним соответствующие меры. Эти же задачи были поставлены и совместным постановлением бюро обкома КПСС и Совмина ДАССР от 17 апреля 1970 года с аналогичным названием.

Не надо думать, что в 60–80-е годы вернулись времена сталинских антимусульманских репрессий. Скорее гарантии свободы совести имели половинчатый характер, как и осуществление других демократических свобод советских граждан в годы «застоя». По данным Совета по делам религий на 1978 г. в Дагестане действовали мечети в 12 районах и 4 городах республики. Как уже говорилось, подавляющее большинство из них было сосредоточено в горных районах Среднего и Северного Дагестана. Каждые три года, хоть и в небольшом количестве, издавался Коран, ежегодные календари. Дагестан-

ские мусульмане имели возможность читать журнал «Мусульмане Советского Востока», издававшийся в Ташкенте на шести языках (в том числе на арабском и русском). Кроме того, отдельные имамы и *алимы* из Дагестана имели возможность участвовать в различных конференциях, съездах и других крупных форумах представителей различных религий [Ханбабаев, 2001, с. 69–70].

Немногочисленные официально признанные институты и надстроенные над ними государственные структуры представляли собой что-то вроде верхушки огромного айсберга, подводную часть которого составляли сотни непризнанных государством, но тем не менее существовавших, хотя и мало связанных друг с другом и не представлявших уже особой угрозы режиму мусульманских общин. Эти институты возникали в ответ на растущие нужды быстро растущего мусульманского населения в имамах, *будунах* и других служителях культа. Два медресе Бухары и Ташкента не могли удовлетворить эти нужды. К тому же попасть в них для большинства дагестанцев было совершенно нереально. Для этого нужна была характеристика имама зарегистрированной мечети и поддержка ДУМСК. Прежние каналы связей дагестанских *алимов* с *мударрисами* арабских стран Ближнего Востока оказались полностью перекрыты. Поволжье и Средняя Азия, куда до установления советской власти дагестанские *мута‘алимы* регулярно ездили пополнять свое образование, сами были в тяжелом положении.

Поскольку большинство мусульманских институтов в послевоенное время действовали нелегально, статистики их не велось. Некоторые (правда не всегда достоверные) сведения об их численности и специализации незарегистрированных мусульманских школ содержатся в отчетах комиссий, ревизовавших состояние атеистической работы в ДАССР (ныне в составе ЦГА РД, ГАРФ). С конца 50-х до середины 80-х годов эти источники довольно стабильно оценивали их число в несколько десятков. Так, в докладной записке конца 1964 г. председателя Совета Министров ДАССР председателю СДРК отмечалось, что в республике самовольно было открыто более 70 «святых мест», действует около 40 незарегистрированных и 28 зарегистрированных мечетей. Подразумевая нелегальные коранические школы и примечательные школы, автор записки клеймил духовенство за «религиозную агитацию и пропаганду среди женщин, молодежи и даже детей» [Омарова, 1994, с. 105].

Система исламского образования стала замкнутой. Из нее выпал ряд звеньев. Связи между учебными институтами разных уровней нарушились. К началу 60-х годов мусульманская школа несколько оправилась от репрессий 30–40-х годов. В сельской местности появилось много новых *мактабов* и начальных коранических школ. *Мадра-са* были уничтожены в 30-е годы и восстановить их в прежнем виде не удалось. Отдельные *алимы* по-прежнему собирали вокруг себя учени-

ков из разных районов. Но все нелегальные школы имели в лучшем случае лишь районное значение. Среди *мударрисов* тех лет известностью пользовались Хапиз-Хаджи из с. Охли, накшбандийский шейх *хафиз* Ибрагимхалил из с. Тидиб, накшбандийский и шазилийский шейх Тажудин (Рамазанов) из с. Ашали, Сулейман из с. Мехельта, Сайфутдин (Гаджиев) и Абдурахим (Магомедов) из с. Саситли, Султан-Магомед из с. Глох, Гамбулат из с. Метрада, Магомед-Саид (Абакаров) из с. Хуштада и другие.

В 70-е годы такие нелегальные школы отмечены в основном в Среднем и Северном Нагорном Дагестане — в селениях Акуша, Аракани, Ассаб, Верхнее Гаквари, Губден, Доргели, Кахиб, Карабудахкент, Кванада, Мехельта, Нижние Казанище, Нижний Дженгутай, Обода, Охли, Саситли, Тидиб, Глох, Уриб, Хунзах, Хучада, Хуштада и некоторых других. Время от времени их запрещали, но затем они появлялись снова. Небольшие размеры групп и занятия в частных домах позволяли уходить от преследований. Некоторые *алимы* занимались с учениками ночами или скрывались в землянках (*худжра*). Особенностью кружков было соединение в них уровней *мактаба* и *мадраса*. Один и тот же преподаватель начинал изучать с детьми Коран, *таджвид* и основы арабского, в то же время занимался с более старшей группой морфологией (*сарф*), синтаксисом (*нахв*), *хадисами*, *тафсиром* и *сирой*. Отдельные *мута'алимы* проходили с ним логику, философию и *фикх*. Учебниками служили книги, напечатанные до революции и в раннее советское время, а чаще — их современные рукописные копии [Полевой материал авторов]. *Мударрисов* часто содержала община за счет тайно собираемых с колхозных (государственных) земель *закята* и *вакуфных* отчислений. Ученики были приходящими. Например, в с. Хуштада они учились в школе-интернате в соседнем райцентре и приходили заниматься к *мударрису* по ночам.

Сходные явления наблюдались в сфере суфийского образования, поставленного вне закона повсюду в СССР. Процесс суфийского образования становился все более закрытым, уменьшилось количество *муридов*. Сеть отделений всех трех распространенных в ДАССР *тарикатов* — накшбандийя, кадирийя и шазилийя, — стала распадаться. Суфийские общины и образовательные группы замыкаются в пределах небольших горных и предгорных районов. Именно этим можно объяснить то, что в 30–80-е годы XX в. *иджаза* идущей от 'Абд ар-Рахмана ас-Сугури (из Согратля) ветви братства накшбандийя-халидийя передавалась от шейха к шейху в основном в пределах одного небольшого предгорного района республики (Карабудахкентского, прежде — Ленинского). То же самое наблюдается и среди шейхов накшбандийя-махмудийя-шазилийя. Все шейхи этой цепочки, которые обучали в советское время, передавали *иджазу* своим последователям в основном только из одного района (Советского, ныне — Шамильского) [Полевой материал авторов].

Само мусульманское общество, нуждам которого служило исламское образование, сильно изменилось к позднему советскому периоду. Дагестан урбанизировался. Это было связано в первую очередь с массовым переселением горцев на равнину, организованным правительством ДАССР. Всего переселилось более 200 тысяч человек. Они основали 76 новых поселков [Гаджиев, 1973, с. 136]. Бывшие сезонные хутора при пастбищах (*кутаны*) стали селениями. Многие устраивались в уже существующих селениях и быстро растущих городах Махачкала, Дербент, Кизляр, Хасавюрт, Каспийск (существует с 1947 г.), Избербаш (с 1949), Кизилюрт. Пик переселений пришелся на 60–70-е годы. На равнину переезжали добровольцы, выходцы из высокогорья, где трудно было найти жилье и работу. Толчком к переселениям послужили сильные землетрясения 1966 и 1970 гг. Пострадавшие от него горцы были расселены на равнине. Сюда же переместились некоторые центры исламского образования. К концу 70-х годов нелегальные учебные группы и суфийские *вирды* появились в переселенческих поселках Первомайское, Новосаситли (Хасавюртовский район), Нечаевка (Кизилюртовский район) [Исламмагомедов, Сергеева, 1988, с. 296–302. См. также: Дагестанская правда, 28.11.1979, 29.06.1984].

С другой стороны, под влиянием контактов с немусульманскими народами Южной и Центральной России культура дагестанских мусульман принимала все более светские черты. В противовес старой мусульманской культуре на *'аджаме* и арабском в послевоенном Дагестане появилась массовая советская попкультура, завоевавшая немалую популярность у молодежи. В ходе советских национальных преобразований были созданы новые светские национальные литературы на языках народов Дагестана, театр, пресса и телевидение [Бобровников, 2001, с. 89–90]. С 60-х годов широкое распространение в республике получил русский язык. Постепенно он вытеснил арабский и отчасти тюркские в качестве средства письменной культуры и межнационального общения. Кириллица значительно потеснила *'аджам*. На ней стали записывать даже рукописные тексты религиозного содержания. Полностью была русифицирована средняя и высшая школа. С 1964/65 учебного года преподавание в начальной школе с третьего класса тоже было переведено на русский. У горцев, не имеющих письменности на родном языке (агулы, рутульцы, цахуры, андо-цезские народы) русский язык использовался с первого класса.

В Махачкале развивалось академическое востоковедение. Отдельные востоковедные курсы читались на Историческом факультете Дагестанского государственного университета (создан в 1957). Но главным центром оставался Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Здесь сложилась сильная (и единственная на Северном Кавказе) школа исламоведов, выпускников Восточного факультета Ленинградского университета и Исторического факультета МГУ. Она группировалась вокруг Отдела восточных рукописей (руководитель

А.Р. Шихсаидов). У истоков создания отдела стоял ученик Али Каяева М.Д. Саидов (1902–1985). С ИИЯЛ сотрудничали *алимы*-арабисты позднего советского времени, в частности Мансур Гайдарбеков из Геничутля и Мухаммед Нурмагомедов из Аракани. Институт регулярно проводил археографические экспедиции во всех районах республики. К 1985 г. в Рукописном фонде ИИЯЛ удалось собрать 2731 единицу [Тагирова, 2001, с. 137] рукописных книг и сборников, многие из которых вышли из библиотек дореволюционных и ранних советских медресе Дагестана.

Сокращения

Бюллетень НКВД РСФСР — *Бюллетень Народного комиссариата внутренних дел Российской Социалистической Федеративной Советской Республики*.

СВБ — Союз воинствующих безбожников.

ЦГА РД — Центральный государственный архив Республики Дагестан. Махачкала.

Список источников и литературы

Алпатов, 2000 — Алпатов В.М. *Сто языков и политика, 1917–2000*. М., 2000.

Блокнот, 1978 — *Блокнот агитатора и политинформатора*. Махачкала, 1978. № 11–12.

Бобровников, 2001 — Бобровников В.О. Советские национальные реформы и смена идентичности народов Северо-Западного Дагестана // *Расы и народы*. 2001. Вып. 26.

Бобровников, 2009 — Бобровников В.О. Мусульманская школа в раннем советском Дагестане // *Rah Islamica*. 2009. № 1 (2).

Гаджиев, 1973 — Гаджиев А.С. К истории переселения горцев Дагестана на равнину // *Вопросы истории Дагестана и Северного Кавказа*. Махачкала. 1973. Вып. I.

Дело, 1962 — «О серьезных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения. Рассмотрено на заседании Дагестанского обкома КПСС 18 августа 1962 г.» // *ЦГА РД*. Ф. р–1. Оп. 2. Д. 2054.

Емельянова, 1999 — Емельянова Н. *Мусульмане Кабарды*. М., 1999.

Законодательство, 1969 — *Законодательство о религиозных культурах*. М., 1969.

Инструкция по применению законодательства о культурах (1961 г.) // *Законодательство*. 1969.

Исламмагомедов, Сергеева, 1988 — *Традиционное и современное в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев* / Отв. ред. А.И. Исламмагомедов, Г.А. Сергеева. М., 1988.

Какагасанов, 2001 — Какагасанов Г.И. Религиозные мусульманские (примечательные) школы Дагестана // *Ислам и исламская культура в Дагестане* / Отв. ред. и сост. А.Р. Шихсаидов. М., 2001.

Какагасанов, Гаджиев, 1998 — *Али-Хаджи Акушинский — шейх аль-ислам Дагестана, патриот и миротворец. Документы и материалы* / Сост. Г.И. Какагасанов, А.-Г.С. Гаджиев. Махачкала, 1998.

Каталог, 1977 — *Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР* / Сост. М.-С. Саидов. М. 1977. Вып. I.

Комментарий, 1980 — *Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР*. М., 1980.

Красный Дагестан. Махачкала.

Материалы, 1929 — *Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов за период с I.X.1926 по I.X.1929*. Махачкала, 1929.

- Муцалханов, Махмудов, 1997 — Муцалханов М.С., Махмудов Х.М. *Дагестан в 30-е годы*. Махачкала, 1997.
- Омарова, 1994 — Омарова М.М. Из истории осуществления свободы совести в Дагестане (1930–90-е гг.) // *Ислам в Дагестане. Межвузовский сборник научно-тематических статей*. Махачкала, 1994.
- Оразаев, 1992 — *Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева* / Сост. Г.М.-Р. Оразаев. Махачкала, 1992.
- Постановление № 572 от 19.05.1944 Совета Народных Комиссаров СССР // *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*. Ф. 6991. Оп. 4. № 1. Л. 1, 2.
- Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета ДАССР «Об образовании при президиуме ЦИК'а Комиссии по рассмотрению религиозных вопросов» // *ЦГА РД*. Ф. р–564. Оп. 2. Д. 1.
- Программа, 1961 — *Программа Коммунистической партии Советского Союза*. М., 1961.
- Протоколы заседаний Бюро Дагестанского обкома КПСС (Махачкала, 1962) // *ЦГА РД*. Ф. р–1. Оп. 2. Д. 1148, 2052, 2054.
- Салахбекова, 2003 — Салахбекова З.А. *Власть и мусульманское духовенство Дагестана: история взаимоотношений (1920–1940 гг.): Автореферат дисс... канд. ист. наук*. Махачкала, 2003.
- Сведения, 1936 — Сведения о молитвенных зданиях и служителей культа, находящихся в пределах ДАССР на 1/I–1936 г. // *ЦГА РД*. Ф. р–564. Оп. 3. Д. 4.
- Советский Дагестан за 40 лет: Статистический сборник*. Махачкала, 1960.
- Тагирова Н.А. Тематическая характеристика арабской рукописной книги в Дагестане // Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. *Арабская рукописная книга в Дагестане*. Махачкала, 2001.
- Ханбабаев, 2001 — *Религии и религиозные организации в Дагестане: Справочник* / Сост. К.М. Ханбабаев. Махачкала, 2001.
- Bennigsen A., Lemerrier-Quellejey Ch. L'«Islam parallele» en Union Soviétique // *Cahiers du monde russe et soviétique*, (1980, vol. XXI, no. 1).
- Bobrovnikov et al., 2010 — Bobrovnikov V., Navruzov A., Shikhaliyev Sh. *Islamic Education in Soviet and Post-Soviet Daghestan* // *Islamic Education in the Soviet Union and the Commonwealth of Independent States* / Ed. by M. Kemper, R. Motika, S. Reichmuth. L., Routledge, 2010.
- Ro'i Y. Islam in the Soviet Union after the Second World War // *Religion, State and Society*, 1996, vol. 24, nos. 2/3.